

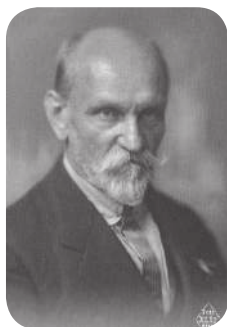

Светлана Ковальчук

Ковальчук Светлана Николаевна в 1981 году завершила учёбу на философском отделении историко-философского факультета Латвийского государственного университета, успешно окончила очную аспирантуру при Институте философии АН СССР в Москве. Ныне является доктором философии, ведущим исследователем Института философии и социологии Латвийского университета. Первая монография «Протестантский модернизм в США. Анализ процесс-теологии» была опубликована в Риге в 1991 году. Но главным объектом научных исследований на протяжении многих лет стал мир русской культуры Латвии. Именно этой теме посвящено наибольшее количество публикаций. В 1999 году Академией Российской Словесности награждена медалью «Ревнителю просвещения. В память 200-летия со дня рождения А.С. Пушкина».

Биармия – место встречи К. Жакова и Я. Райниса

(Предыстория публикации фрагментов поэмы в Латвии)

*Богатырь наш Оксой-Яур
Собрался на Север тёмный,
Вниз по Вычегде широкой,
По Двине потом лазурной –
В Биармию за невестой.*

*Mūsu varonis Okoi-Javurs
Brauc uz tumšiem ziemeļgaliem,
Brauc pa plato Vičegdupi,
Tad pa debesszilo Dvinu,
Brauc uz tāļo Biarmiju
Līgaviņas lūkoties.*

Перевод Я. Райниса

Каллистрат Жаков и Янис Райнис¹ почти ровесники, они могли встретиться на просторах огромной Российской империи и в независимой Латвии, но личной встрече не суждено было состояться. Но помимо воли их сблизила, незримо соединила реальная и мифологическая Биармия. Да, Биармия, как было принято в историографии XIX века отождествлять скандинавский топоним Бьярмия с древнерусским топонимом Пермь.

¹Фотография Яниса Рауска любезно предоставлена для публикации Валкским краеведческим музеем. Фотографии Райниса и Аспазии получена из Академической библиотеки им. Я Мисиня Латвийского университета. Фотография Алиды Каролины Приеде взята из личного архива Мары Приеде, остальные фотографии из личного архива Светланы Ковальчук.

Переводчик «Биармии» – Райнис

У двух поэтов несхожие судьбы. Янис Райнис (Jānis Pliekšāns, псевдоним – Rainis; 1865–1929) – латышский поэт, драматург, переводчик, журналист, руководитель театра, политик получил прекрасное гимназическое образование, с 1884 по 1888 год учился в Петербургском университете на юридическом факультете, который окончил со степенью кандидата права. Потом занимался юридической практикой, был редактором одной из самых популярных латышских газет «Dienas Lara» (Ежедневный листок). За социал-демократические убеждения в середине 1897 года был коротко заключён в тюрьму, вскоре выслан на полтора года в Псков, затем отправлен подальше от родных мест в городок Слободской Вятской губернии, где безвыездно жил с 1 июля 1899 до мая 1903 года. В далёком крае сложился первый поэтический сборник Райниса «Tālas poskaņas zilā vakarā» (Далёкие отзвуки синим вечером), который увидел свет в 1903 году. В одном из стихотворений поэт писал:

*Я шёл зимою
Глухой, суровой
В края чужие,
К чужому крову.*

*А колокольни
В набатном гуде
Взывали: «Благо вам,
Мир вам, люди!»*

За спиной Райниса с 1897 г. нерушимой скалой стояла его супруга **Аспазия** (Elza Pliekšāne; 1865–1943) – талантливая поэтесса, драматург, писательница, переводчик, политик. Она часто навещала супруга в ссылке в Вятской губернии и, значит, стала сопричастна Биармии.

С годами Райнис обрёл славу мастера слова не только в оригинальных произведениях. Поэт нёс в себе тонкий дар проникать «в виноградное мясо» мировой поэзии и адекватно излагать эти шедевры на латышском языке. Первым опытом переводчика стал «Борис Годунов» Александра Пушкина. Свобода владения многими европейскими языками (современными и классическими) позволили перевести «Фауста» Иоганна Вольфганга Гёте. В ссылке неустанно продолжал кропотливо шлифовать свой талант и впервые для латышского читателя перевёл произведения Уильяма Шекспира, Генриха Гейне, Генриха Ибсена, Фридриха Шиллера, Роберта Гамерлинга.

Через два с половиной года, после возвращения в Ригу осенью 1905 г., Райнис с Аспазией на 15 лет уедут в вынужденную ссылку в Швейцарию.

Жаков в Лифляндии

Впервые сын Биармии – Каллистрат Фалалеевич Жаков (1866–1926)² ступил на территорию Лифляндской губернии 11–12 февраля 1913 года. Его – профессора Психоневрологического института Санкт-Петербурга, писателя, поэта, публициста, путешественника, этнографа, философа, наконец, «зырянского Фауста», как его именовали приязненно относившиеся к нему коллеги, – пригласило Валкское латышское Общество взаимной помощи. Городок Валк (ныне Valka, Валка) и ныне располагается на границе с Эстонией. Свою лепту в приём столичного гостя внесли местные ценители литературных и философских новинок. Ответственность за гостя взял на себя местный просветитель, издатель газеты «Каави» (Kāwi; 1910–1913) **Янис Адамович Рауска** (Jānis Rauska; 1873–1967)³. К тому же известно, что в Психоневрологическом институте обучалось немало число небогатой молодёжи из Лифляндской губернии, вероятно, кто-то из студентов принёс в Валк весть о любимом профессоре. Поводом для пригла-

шения послужили к тому времени изданные в Петербурге философские и литературные произведения Жакова.

В объявлении, помещённом на страницах газеты, напечатано, что приглашённый К. Жаков, профессор философии, лектор по красноречию Петербургского Психоневрологического института, предложит слушателям два доклада «Что такое философия», «Бог в природе и в человеке: о границах естествознания». В газетных отчётах, посвящённых лекциям столичного гостя, отмечалась необыкновенная эрудиция и магнетическое воздействие на аудиторию. В 1914 г. издательство Я. Рауска выпустило в Валке отдельным изданием прочитанные лекции, предложенные читателям в свободном, но корректном изложении переводчика «Что такое философия», «Бог в природе и в человеке»: *Žakovs K.F. Kas ir filosofija? Dievs dabā un cilvēkā*. Valka, 1914. В 1914 г. лекции, прочитанные в Валке в феврале 1913 г., были перепечатаны в рижской

²Основные публикации автора, посвящённые К.Ф. Жакову: Ковальчук С.Н. Взыскую Истину... (Из истории русской религиозной, философской и общественно-политической мысли в Латвии: Ю.Ф. Самарин, Е.В. Чешихин, К.Ф. Жаков, А.В. Вейдеман. Середина XIX века – сер. XX в.). Рига, 1998. С. 100–114. Она же. Kalistrat Žakovs: «Pasaule ir vienota, un patiesība ir viena» Par limitisma filozofiju un tās autoru // *Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis*. (A.) 1999. 53 sēj. №. 4./5./6. (603./604./605.) 74.–78. Ipp.; Она же. К. Ф. Жаков, А. К. Приеде // «Покровское кладбище. Слава и забвение» / Сборник статей. Составители С. Видякина, С. Ковальчук. Рига, Multicentrs, 2004. С. 193–195; Она же. K. Žakova Rīgas arhīvs. // *Reliģiski-filozofiski raksti*. Rīga, 2005. №. 9. 78.–99. Ipp.; Она же. Путь извилистый земной. Рижский архив философа Каллистрата Жакова // Даугава. 2008. № 1/2. С. 128–156; Она же. Рижское окружение Каллистрата Жакова // Россия и Балтия. Войны, революции и общество. М., 2008. Вып. 5. С. 185–210; Она же. Латвия в жизни Каллистрата Жакова // АРТ лад. Сыктывкар, 2011. №. 3. С. 92–93, 108–131.

³Янис Рауска отличался многими талантами, получив скромное образование, учился всю жизнь, стал общественным деятелем, хорошим фотографом, книгоиздателем и организатором книжной торговли. Специалист Валкского краеведческого музея Лигита Друбиня написала статью о нём: *Drubiņa L. Ar Jāņa Rauskas vārdu // Darba Karogs*. 1989. № 3.

ежедневной политической и литературной газете «Dzimtenes Vēstnesis» (Вестник родины) в № 166 за 23.07–5.08.

Жаков вторично побывал в Валке 4 и 5 апреля 1915 г., читал лекции «Духовная культура Германии и русская философия». Янис Рауска в это время был демобилизован в действующую армию, его газета закрылась, но подробные отчёты о выступлениях Жакова были опубликованы в рижских газетах: «Dzimtenes Vēstnesis» (Вестник родины) № 97, 104, в № 69 политической и литературной газеты «Latvija» (Латвия). Можно предположить, что именно в этот приезд в Валку в зале, наполненном притягательной силой ума и личного обаяния лектора, состоялась роковая (судьбоносная) встреча немолодого профессора с привлекательной недавней гимназисткой **Алидой Каролиной Приеде** (Priede; 1893–1941)⁴, родившейся в зажиточной крестьянской семье. Вскоре, словно находясь под гипнотическим внушением, Алида послушалась родителей, приехала в столицу, осенью 1916 года оказалась среди студентов Психоневрологического института. Алида-Каролина – натура цельная и сильная, целеустремлённая, ворвалась в привычное течение семейной жизни Жакова, неотвратимо, неизбежно изменив его и свою судьбу. В конце мая 1917 г. Алида привезла Каллистрата Фалалеевича знакомить со своими родителями, но первая встреча обернулась скандалом, изгнанием из семейного очага, разрывом с родителями.

Бурные исторические перемены принёс и 1917 год: отречение от престола императора Николая II, Февральская революция, крутые перемены в политической жизни России в октябре того же года, гражданская война, наконец, закрытие Психоневрологического института. Вскоре добровольный приезд в Лифляндию обернулся бегством, эмиграцией и вынужденным проживанием попеременно в Валке, Пскове, Юрьеве, наконец, в Риге.

К сожалению, невозможно детально восстановить события жизни К. Жакова в 1917 году, как и ответить на вопрос: почему книгоиздатель вновь обратился к публикации текстов Жакова. Возможно, философ вновь читал лекции в знакомом Валке, поскольку книгоиздатель Янис Рауска выпустил отдельным изданием лекцию: Жаков К. Лимитизм: 1-я лекция. Валк, 1917. К сожалению, в библиотеках Латвии не сохранились оригиналы изданий Я. Рауски, о выходе изданий свидетельствуют библиографический справочник.

⁴Латвийский государственный исторический архив (далее ЛГИА). Ф. 2996. Оп. 15. Д. 24517. В скупых паспортных сведениях значилось место рождения – волость Кагеру (или Кагаерви), хутор Ланес в северной части Лифляндской губернии, неподалёку от городка Валк.

1920-е годы

Райнис возвратился из Швейцарии в независимую Латвию в апреле 1920 года. Для него начался интенсивный период жизни как политического, театрального деятеля: Райнис был депутатом латвийского парламента трёх созывов, с 1921 по 1925 год руководил Национальным театром, в декабре 1926 года стал министром образования Латвии. В свободные минуты писал, занимался переводами.

Жаков летом 1920 года после нескольких лет скитаний решил предложить свои знания в Риге в Высшей школе Латвии⁵. 16 июля 1920 года была прочитана пробная лекция «Лимитизм». Увы, лекция не произвела должного впечатления. Наступила глухая тишина – высшее учебное заведение не давало ответа. Правда, после жаковского публичного выступления философ, психолог Паул Карлович Дале (Dāle; 1889–1968) доверительно сообщил другу Жакова – Эмилию Гросвальду (1875 – после 1940) причину холодного молчания со стороны руководства факультета. Темпераментно прочитанная лекция показалась латвийским коллегам неубедительной апологией идеей лимитизма, дала повод воспринять оратора скорее как дилетанта, оригинала и чудака, а не как широко мыслящего интеллектуала, профессионала на поприще философии.⁶ Паул Дале сочувственно отнёсся к личности Жакова, позже посетил несколько его лекций. На исходе сентября декан лингвистико-философского факультета профессор Янис (Иван) Эндзелин (Endzelīns; 1873–1961) прислал официальное письмо, тем самым подтвердив отрицательный ответ руководства учебного заведения⁷.

Что же в философских воззрениях лектора вызывало недоверие и настороженность со стороны руководства университета в Эстонии, затем и в Латвии? В новом университете в Риге успешно читали лекции по праву, истории, медицине, литературе российские эмигранты. Возможно, не последнюю роль сыграла его личная драма – сложность отношений с молодой спутницей жизни, оторванность от родины, да и неспособность Жакова перелистнуть страницы жизни, постепенно изменяться, приспосабливаться, вживаться в новые жизненные условия, уловить требования совершенно новой академической среды и соответствовать этим требованиям.

В оправдание действий деканата лингвистико-философского факультета Высшей школы Латвии, добавим, что руководство университета не привлекло к научно-преподавательской работе маститых профессоров Рижского политехнического института, вернувшихся из эвакуации в Ригу на рубеже 1919/1920 годов. Среди них бывший ректор Рижского политехнического института Вольдемар Августович фон Книрим (W. J. K. von Knieriem; 1849–1935), проф. Фёдор Владимирович Бухгольц (F. Buchholtz; 1872–1924), проф. Николай Максимович Озмидов (N. Osmidoff; 1850–1938), проф. Михаил Николаевич Берлов (1867–1935). Между прочим, не привлёк Жакова

⁵До 28 марта 1923 г. Латвийский университет именовался Высшей школой.

⁶ЛГИА. Ф. 1826. Оп. 1. Д. 721. Л. 116. Оригинальной рукописи пробной лекции не сохранилось. Машинописный текст лекции хранится в рижском архиве философа и напечатан в: Жаков К.Ф. Лимитизм. Единство наук, философий и религий. Рига, 1929. Гросвальд присутствовал на выступлении Жакова 16 июля 1920 г., составил подробный план. Два года спустя текст лекции был реконструирован Гросвальдом при участии молодого поклонника философских идей Жакова – Степана Леонтьевича Высоколяна. Думается, текст был просмотрен самим Жаковым. Но в окончательном варианте пробная жаковская лекция была отредактирована Эмилием Гросвальдом при подготовке сборника работ 24 мая 1926 г.

⁷ЛГИА. Ф. 1826. Оп. 1. Д. 725. Л. 1.

к преподаванию в Риге на Русских Университетских Курсах и Константин Иванович Арабажин (1865–1929), хотя знал его по публичным лекциям с начала 900-х годов и в 1909 г. редактировал тексты жаковских лекций по роману Ф.М. Достоевского: Иван Карамазов. Лекции / Под редакцией К.И. Арабажина. Книга увидела свет под грифом Народного Университета.

Создание Общества и Академии лимитивной философии

Да, зырянский самородок потерпел неудачу в Латвийском университете. Друзья, почитатели его научных и писательских дарований постарались в сентябре 1920 года хоть в какой-то мере морально, психологически сгладить ситуацию. Преданный друг Эмилий Гросвальд, с которым познакомились во Пскове, поддержал дорогого учителя, собрал инициативную группу для создания и регистрации в соответствующих инстанциях «Limitiskās filozofijas biedrība Latvijā» (Общество лимитивной философии в Латвии). Был намечен обширный план работы. Увы, реально общество начало действовать только на рубеже 1922–1923 годов, когда Эмилий Гросвальд и члены общества приложили усилия в организации постоянных лекций Жакова, проходивших в Старой Риге на улице Торня, дом 4. Более того, нашлась и возможность через бюро множительных работ Владимира Яковлевича Упесслея (Upesleja; 1885–1939) распечатывать лекции как отдельные небольшие работы. И это стало статьёй хоть умеренного, но дохода. Кстати, сколько лекций было размножено в этом бюро, установить теперь уже затруднительно⁸. Отдельные лекции печатались и на латышском⁹. Статьи Жакова в это время стали появляться в латышской прессе. В Указателе латвийской прессы – «Gintera radītājs» содержится список статей Жакова за 1924, 1925 гг. на латышском языке, опубликованных в газетах «Latvijas Sargs» (Латвийский защитник), «Latvijas kareivis» (Латвийский солдат), «Strādnieku avīze» (Рабочая газета). Регулярные лекционные курсы Жакова, организованные Обществом лимитивной философии в Латвии (Limitiskās filozofijas biedrība Latvijā), проходили с февраля 1923 г. по декабрь 1925 г.

Пока Эмилий Гросвальд и члены «Общества лимитивной философии в Латвии» раздумывали, как организовать лекции Каллистрата Фалалеевича на постоянной основе, другой его большой поклонник Эрнест Эрнестович Барон (Barons; 1889–1968?) с конца осени 1921 года перехватил инициативу. Барон проведаль о безуспешных начинаниях по пропаганде идей лимитизма со стороны Общества Гросвальда и пошёл в решительную «атаку» за Жакова. Обходительный Эрнест Эрнестович проявил сочувствие к бедственному положению Гараморта и при жёсткой конкуренции сумел-таки устроить его в Рижский английский педагогический колледж, входивший в ведение

⁸Автором получен дар от Гунты Алтенберги. Её отец – Янис-Валдемар Алтенберг (Altenbergs; 1900–1990) – был слушателем лекций Жакова в 1923–1925 годах, сохранил о нём самые хорошие воспоминания. В полученном архиве шесть размноженных лекционных текстов: в 1923 г. были изданы лекции «Утро, полдень и вечер в жизни человека», «Как создаются философские системы», в 1924 г. – «Многообразие религиозного опыта», «Идеи и формулы индуктивной обобщающей философии лимитизма», «История лимитизма», «Научно-философское доказательство бытия божия».

⁹В издательстве «Limes» в 1924 г. вышла лекция «Kurp mūs ved zinātnes» (Куда ведёт нас наука) и «Kas ir patiesība» (Что есть истина?), в 1925 г. – «Nacionālisms kā cilvēces kultūras faktors» (Национализм как фактор человеческой культуры), в 1926 г. «Dvēseles nemirstība» (Бессмертие души).

Министерства образования Латвии. В декабре 1921 г. директор колледжа предложил Жакову чтение лекций по логике, индийской философии (впрочем, заменённые на лекции по английской литературе). Увы, благие намерения Барона вскоре нарушил уставший от жизни и неизлечимо больной Каллистрат Фалалеевич: ему было трудно читать школьникам новый предмет по мировой литературе и в первую очередь английской. В феврале 1922 г. Э. Барон официально создал «Limitiskās Filosofijas Akadēmiju» (Академию лимитивной философии). Предлагавшиеся популярные лекции профессора Жакова по философским и естественнонаучным темам, увы, слушателей не нашли.

Надо отдать должное Эрнесту Барону, в чём-то человеку небескорыстному, с чертами авантюриста, за то, что сумел издать в 1924 году журнал с вычурным названием «Lāčplēsis limitists» (Лачплесис лимитист), Лачплесис – сторонник философских воззрений Жакова!¹⁰ Эрнест Эрнестович действительно постарался – Жаков был представлен в этом издании как философ, сказочник, поэт. Сам же Барон выступил в роли интерпретатора философских идей профессора. Приглашение участвовать в издании принял академик Владимир Михайлович Бехтерев, приславший из Петрограда статью «Влияние мышления на поведение животных»¹¹. Янис Райнис перевёл 6 частей поэмы Жакова «Биармия». Аспазия и Виктор Эглитис обогатили издание своей поэзией, репродукции картин художника В. Авотиня украсили журнал. Увы, творческих усилий, денежных запасов Эрнеста Барона хватило на издание только единственного номера журнала.

Как создавалась поэма «Биармия»

Как известно, эпическая поэма «Биармия» – зырянское сказание о древних богах была написана Жаковым в 1916 году на русском языке в Петрограде. Поэтическое творение подвело своеобразный итог многолетних изысканий Жакова как учёного-фольклориста, решившегося на реконструкцию мировоззрения древних коми-зырян. «Биармия», пусть и не изданная, с годами обрела смысл, ценность для народа коми, сравнимую с ценностью эпосов «Калевала», «Лачплесис». Жаковский эпос впервые был переведён на язык коми в 1992 году. В 1993 году полный текст поэмы впервые опубликован на русском и коми языках.

Что такое Биармия? Это мифическая страна, упоминавшаяся в сагах древних скандинавов (викингов) IX–XIII веков. Скандинавский термин «*Viarmaland*» или «*Viarmia*» возник, вероятно, на этой же основе и обозначал не какую-то локальную территорию, а обширный регион Северо-Востока Европы, населённый родственными финно-угорскими племенами. Поэма «Биармия» стала реконструкцией древнего северного эпоса, точнее – эпоса народа Перми, родственного по языку и культуре всем народам, проживающим на обширной территории европейского Севера от Урала до Финляндии, с центральной областью – бассейном Северной Двины, – обозначенной в поэме как Биармия. Жаков был глубоко убеждён в предназначении созданной поэмы, видел в ней подлинный эпос коми народа, поскольку как настоящий учёный-фольклорист

¹⁰Лачплесис – буквальный перевод: разрывающий медведя, – главный герой одноимённого латышского эпоса «*Lāčplēsis*», воссозданного Андреем Пумпурсом (*Andrejs Pumpurs*). Эпос создавался на протяжении 15 лет кропотливой работы на основе народных преданий. Эпос впервые опубликован в 1888 году.

¹¹Bechterevs V. Domāšanas iespaidus uz dzīvnieku darbību // *Lāčplēsis limitists*, 1924. Nr. 1. 39. – 64. lpp.

годами по крупицам накапливал и восстанавливал собранный во время полевых экспедиционных практик в Коми крае фольклорный материал, сравнивал находки с фольклором родственных финно-угорских народов.

Нелишне напомнить, что с 1900 года Каллистрат Жаков постоянно участвовал в экспедициях в северных областях России, в которых собирал научный материал. В 1901 г. за этнологический очерк о зырянах получил большую серебряную медаль Русского географического общества. В экспедициях черпал вдохновение для литературных произведений. Путешествуя по верхней Печоре, в 700 верстах от Усть-Сысольска, записывал этнографический материал (песни, сказки, описывал особенности семейного уклада) и неожиданно к нему пришло осознание того, что «язык – это душа народа, язык – своеобразное выражение его переживаний, его логики, его психологии, его понимания красоты и добра. Язык – это бессознательное, стихийное и органическое проявление душевной жизни народа, и для каждого народа язык – его величайшее сокровище. Долг каждой нации сохранить свой язык и охранять чужой и свято относиться не только к своему, но и к чужому языку современных культурных народов и к языку народов, не попавших в светлый круг этих культурных наций»¹².

И академик Алексей Александрович Шахматов (1864–1920) и член-корреспондент Петербургской Академии наук Всеволод Измаилович Срезневский (1867–1936), знавшие и ценившие публикации Жакова по этнографии, в последующие годы настоятельно советовали, направляли, «звали на великое поле этнографии и финской лингвистики», поскольку число профессионалов-филологов из коми-зырян в то время было непростительно мало. Тем более, что с 1901 г. по инициативе В.И. Срезневского активно начались археологические экспедиции по России, и в частности, в Архангельскую, Вологодскую, Пермскую и Олонецкую губернии для сбора рукописей и старопечатных книг у населения. Но Гараморт в экспедициях ощущал в себе неослабевающую раздвоенность: «Иногда ясно я вижу трагедию мою и причины моего одиночества. Вкусы и привычки мои – первобытного человека. Кто может ужиться со мной из горожан и промышленников? Пишу я сказки, ибо я из народа, живущего мифологией, кому же нужна этнография! Нужно описывать современную жизнь языком современного народа. Как жить среди профессионалов? Слишком рано родился я для „новых“ народов и слишком поздно для „старых“»¹³.

Можно предположить, что под воздействием экспедиций и влиянием этнографического материала в философской работе 1906 года «Принцип эволюции в гносеологии, метафизике и морали» Жаков писал: «Человечество без религии не обойдётся. Но необходим иной язык религии, иные формы церкви»¹⁴. Поэтому «Биармия» была задумана её создателем для выполнения одной из функций лимитивной философии: прочно обосновать новое видение религии, т.н. «иррелигиозной религии», способной «заменить религию прошлого», прояснить эволюционные процессы Вселенной. Да, цивилизация неумолимо наступала на зырян в конце XIX и начале XX столетия, неумолимо подминала духовное своеобычие культур – это явственно зрел Жаков в экспедициях в северных областях России. Более того, учёный глубоко переживал драматически противоречивое сочетание официальной православности и глубоко укорённого язычества в сознании вотяков, мордвы, инвенских пермяков, зырян. Га-

¹²Жаков К.Ф. Сквозь строй жизни. С. 208.

¹³Там же. С. 197.

¹⁴Жаков К.Ф. Принцип эволюции в гносеологии, метафизике и морали. С-Пб., 1906. С. 82

раморт в романе «Сквозь строй жизни» (С-Пб., 1912) писал, что с грустью он покидал инвенских пермяков «и с новой надеждой отправился к вотякам, чтобы помолиться в их лесах богу Ингмару, светлородому богу неба и матери солнца, помолиться и другим великим стихиям. <...> Но и у них немало грустил, изучал их трагическую историю. Видя, как <...> притесняют их языческую веру, полную величия»¹⁵. В статье о творчестве К. Гамсуна Жаков отводил северным народам мессианскую роль спасителей цивилизации, при условии, что «дряхлающая Европа» сумеет их «услышать». При этом себя самого он считал первым голосом «первобытных» северных народов, призванным сообщить о них Европе¹⁶.

Жаков опасался неспособности коми мортов сохранить в полноте неповторимые оттенки национального мироощущения и мировосприятия, продемонстрировав в «Биармии» своему народу забытую языческую веру, полную величия, достоинства и красоты. Но с другой стороны, Жаков уловил потребность поиска новых форм религиозности, что было характерно для творческой интеллигенции России начала XX столетия. Эту мысль подтвердила также и Елена Созина, анализирувшая литературное творчество Жакова в широком спектре идей литературы Серебряного века, усмотрев в его призывах к возвращению к старым богам соответствие движению «языческого ренессанса» начала XX столетия, которое можно рассматривать как проявление «нео-религиозного сознания», преобладавшего у его современников в те годы¹⁷.

Жаков – Райнис – Рига

Дневниковые записи Яниса Райниса хоть немного приоткрывают завесу истории этого перевода. Итак, 22 февраля 1923 года в дневнике Райниса записано: пришёл лимитист Барон, чтобы переводил «Биармию». До 9 сентября Райнис не приступал к работе, но всё же внял настоятельной просьбе Эрнеста Барона. И уже 9–11 сентября Райнис перевёл 200 строк жаковской поэмы. Более в дневниковых записях за 1923 г. ничего не записано о работе над переводом, всё более о настойчивых, даже навязчивых визитах Э. Барона. Итогом работы стал перевод на латышский язык I–VI частей «Биармии». Поэма всколыхнула в Райнисе далеко не самые плохие воспоминания о годах ссылки в далёком краю. Он даже намеревался написать воспоминания о годах ссылки в Биармии – Вятской губернии. Своим переводом Райнис, несомненно, отдавал дань уважения Жакову как фольклористу, как собирателю эпоса зырян, оценил его научный и поэтический труд по бережному сохранению народной культуры.

Читателю интересно будет узнать, что на протяжении жизни латышский поэт проявлял неподдельный интерес к этнографии, латышским традициям. В середине 1880-х годов Райнис стал соучастником сборника «Материалы по этнографии латышского племени в Витебской губернии» (С-Пб., 1890), составителем и редактором которой был Эдуард Александрович Вольтер (Eduard Volter; 1856–1941) – известный российский лингвист, этнограф, фольклорист, археолог. В предисловии Вольтер благодарил Райниса за оказанное внимание к его труду, называя его по русской традиции – Иван

¹⁵Жаков К.Ф. Сквозь строй жизни. С. 170, 217.

¹⁶Лимеров П.Ф. Поэма «Биармия» как итог исследовательской деятельности К. Жакова по реконструкции древнего мировоззрения коми-зырян // Известия Коми научного центра УрО РАН. Выпуск 1(21). Сыктывкар, 2015. С. 100–116.

¹⁷Созина Е. Творчество К.Ф. Жакова в культурном контексте XX века // АРТ (ЛАД). Сыктывкар, 2011. № 3. С. 99.

¹⁸Переиздание книги было осуществлено в Москве в 2011 году в издательстве «Книга по Требованию».

Христофорович Плекшан¹⁸. Райнис, возглавив в декабре 1926 года министерство образования Латвии, в апреле 1927 года подписал указ о создании Хранилища латышского фольклора, ставшего уникальным научно-исследовательским центром.

Жаков-поэт и Райнис-переводчик так и не встретились в Риге. Латышские литературоведы, знатоки биографии Райниса категорически отрицают какое-либо знакомство Райниса с Жаковым. 8 сентября 1973 г. Бирута Гудрике в статье «Vai jauns Raiņa draugs?» (Новый друг Райниса?) на страницах газеты «Literatūra un māksls» (Литература и искусство) развеяла миф о дружбе поэтов, но подтвердила заинтересованность поэта в переводе на латышский язык поэмы «Биармия» и факт знакомства в феврале 1923 г. Райниса с Э. Бароном.

В 1925 году Райнис написал короткое предисловие ко второму изданию поэтического сборника «Дальние отзвуки синего вечера», созданного в ссылке в далёкой Биармии в Слободском. В предисловии он не назвал имя Жакова, просто написал поэт «Биармии», выразив ему признательность за поэтически сильные образы, всколыхнувшие, явственно оживившие впечатления дивной красоты суровой природы. В 1928 году Райнис почему-то вернулся к переводу «Биармии», дополнил перевод ещё двумя частями. Дополненный перевод поэмы «Биармия» в 1980 г. вошёл в 8-й том собрания сочинений Яниса Райниса.

Если Жаков и Райнис так и не встретились в Риге, то Алида Каролина Приеде, судя по воспоминаниям её младшей дочери Мары Приеде, поддерживала отношения с вдовой Райниса и неоднократно навещала с детьми Аспазию.

Прошли годы. Земля Биармии помнит латышского поэта Райниса и его супругу Аспазию. В Слободском работает мемориальный музей, неподалёку от которого установлен памятный камень.

Garamorts — K. F. Žakovs

Poema „Biarmia“

Tulkojis J. Rainis. 1923.

I.

Ieskapa

Kur tu esi, dziesmu purpurs?
Kur tu seno laiku smaragds?
Kur jūs lielās dzīves stelles?
Kur jūs lielo audu spoles?
Apklusušo dienu meti,
Vecu pagājušu laiku? —

Sēdās vecu laiku pile
Tumšu ēnu akmeņstarpā —
Teica vecu laiku pile :
«Aizmirsušās senās dziesmas,
«Nav vairs gurnā viņu teiku,
«Miklu runu, burvju vārdu,
«Tautas dailes valodīpas.»

II.

Komimorts

Mežs mans senais, mežs mans svētais,
Dod man dižskanīgas dziesmas!
Rādi manim visas stīgas,
Visas koku starpu vijas,
Veco egļu, slaiko priežu,
Stumbru pēdas, sakņu lokus!

Ver man visas bagātības :
Avot-tekas, acis, urgas,
Lielo upju sikās sākas
Tumšā apēnotā parmā :*)
Zīmē klinšu granit-stāvus,
Porfirveida stabu stulmaus!

Māci manim burvju mākslas,
Stīpro tunu **) slēptos vārdus! —
Rādi manim putnu pērklus
Smailo egļu, lepno priežu
Virsoņnītes augstos kalnos!

*) parma = joma.
**) tuns = burvis.